

УДК 159.9

DOI 10.25688/2223-6872.2021.38.2.10

СИСТЕМНЫЕ ИДЕИ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ РОССИИ НАЧАЛА XIX ВЕКА: П. Д. ЛОДИЙ

Д. В. Иванов,
НГПУ, Новосибирск,
ivanovdirkutsk@yandex.ru

В статье рассматриваются системные идеи одного из крупных деятелей российского просветительства — П. Д. Лодия, — которые позволяют говорить о его вкладе в развитие отечественной психологической мысли в начале XIX столетия, в становление профессионального научного тезауруса, системы психологических понятий в России. В жизнедеятельности этого просветителя выделены три больших этапа. Первый, длившийся с 1779 по 1803 г., включал в себя ученичество и зарубежный этап профессорско-преподавательской деятельности. Второй — с 1803 по 1819 г. — стал периодом расцвета и научного подъема, востребованности социально-педагогического опыта преподавания и руководства, системного изложения психологических взглядов. Третий этап — с 1819 по 1829 г. — постепенное завершение творческого пути на фоне идеологической реакции в России, закат самих идей, уходящих вместе с их носителем.

Психологические идеи и взгляды Лодия позволяют отметить его приверженность психологическому принципу совершенствования, развития естества человека и общества. Философ рассматривал природу человека, не мифологизируя его психологию. Его взгляды на психическую реальность человеческого существования систематизированы. Он считал, что внешний мир чувственно воспринимается человеком, независимо от духовных сил. Особое внимание в представлениях мыслителя занимают вопросы индивидуальных особенностей и различий, выявляемых у людей. В качестве условий развития и совершенствования Лодий отмечает природные возможности человека и способы воспитания и взаимодействия с ним. Он обращает внимание на взаимосвязь человека и той общественно-исторической среды, которая выступает проводником воспитания. Лодиевский человек борющийся — исторически и общественно обусловленная ипостась индивида, готового к активным социальным действиям, преодолению и устранению различного рода препятствий, стоящих на пути совершенствования.

В статье использовалась историко-психологическая реконструкция, библиографический прием, психологическая интерпретация идей и взглядов мыслителя русского Просвещения, содержащихся в ряде аутентичных времени их написания источников.

Ключевые слова: П. Д. Лодий; системные идеи; естество; чувствование; разумение; темперамент; воспитание; наставление; семиотика ума; гимнастика ума; человек борющийся.

Для цитаты: Иванов Д. В. Системные идеи в психологической мысли России начала XIX века: П. Д. Лодий // Системная психология и социология. 2021. № 2 (38). С. 110–126. DOI: 10.25688/2223-6872.2021.38.2.10

Иванов Денис Васильевич, кандидат педагогических наук, доцент кафедры общей психологии и истории психологии Новосибирского государственного педагогического университета, Новосибирск.
E-mail: ivanovdirkutsk@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-2478-1468

UDC 159.9

DOI 10.25688/2223-6872.2021.38.2.10

**SYSTEMIC IDEAS IN THE PSYCHOLOGICAL THOUGHT OF RUSSIA
AT THE BEGINNING OF THE XIX CENTURY:
P. D. LODIY**

D. V. Ivanov,
NSPU, Novosibirsk,
ivanovdirkutsk@yandex.ru

The article examines the systemic ideas of one of the major figures of the Russian enlightenment — P. D. Lodiya, which allow us to speak about his contribution to the development of Russian psychological thought at the beginning of the XIX century, to the formation of a professional scientific thesaurus, a system of psychological concepts in Russia. There are three major stages in the life of this educator. The first, which lasted from 1779 to 1803, included “apprenticeship and the foreign stage of teaching activity”. The second from 1803 to 1819 became a period of “flourishing and scientific rise”, the demand for socio-pedagogical experience of teaching and leadership, a systemic presentation of psychological views. The third stage in life from 1819 to 1829 — is the gradual completion of the creative path against the background of a changing ideological reaction in Russia, the sunset of the ideas themselves, going away with their bearer.

Lodiy’s psychological ideas and views allow us to note his commitment to the psychological principle of improvement, development of the human nature and society. Lodiy considered the nature of man without mythologizing his psychology. The enlightener’s views on the psychic reality of human existence are systematized. He believed that the external world is sensually perceived by man, regardless of “spiritual forces”. In the ideas of the thinker special attention is paid to the issues of individual features and differences identified in people. He notes natural capabilities of a person and the ways of education and interaction with him as conditions for development and improvement. He draws attention to the relationship between a person and the socio-historical environment that acts as a conductor of education. Lodiy’s “struggling man” is a historically and socially conditioned hypostasis of an individual who is ready for active social actions, overcoming and eliminating various obstacles standing in the way of perfection.

The article uses historical and psychological reconstruction, bibliographic technique, psychological interpretation of the ideas and views of the thinker of the Russian Enlightenment, contained in a number of authentic sources at the time of their writing.

Keywords: P. D. Lodiya; systemic ideas; nature; feeling; understanding; temperament; education; instruction; semiotics of the mind; gymnastics of the mind; a struggling person.

For citation: Ivanov D. V. Systemic ideas in the psychological thought of Russia at the beginning of the XIX century: P. D. Lodiya // Systems Psychology and Sociology. 2021. № 2 (38). P. 110–126. DOI: 10.25688/2223-6872.2021.38.2.10

Ivanov Denis Vasilievich, PhD in Pedagogical Sciences. Associate Professor at the Department of General Psychology and History of Psychology of the Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia.

E-mail: ivanovdirkutsk@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-2478-1468

Введение

Отечественная психология зачастую демонстрирует родство с западноевропейской психологической мыслью, отражая при этом особенности национального исторического пути [24: с. 238], что ставит перед исследователями науки ряд интересных и важных задач, многие из которых ориентированы на поиск

необходимых зон роста, адекватных вопросам современной российской психологии¹.

Одной из таких задач является системное изучение процесса становления и последующего развития самой психологической мысли,

¹ Романова Е. С., Рыжов Б. Н. История психологии с системных позиций // Системная психология и социология. 2014. № 1 (9). С. 5–15.

ярко проявившей себя в эпоху русского Просвещения, которая не заканчивается вместе с философским веком [14: с. 23]. Особый интерес вызывают личности мыслителей, внесших свой вклад в развитие психологических представлений, предвосхитивших появление научно обоснованных теорий и концепций в последующее время. Одним из них является П. Д. Лодий, который не мифологизировал психологию человека, но рассматривал психическую реальность человеческого существования системно. Его идеи и взгляды позволяют говорить о значимом вкладе в развитие отечественной психологической мысли в начале XIX столетия, в становление профессионального научного тезауруса, системы психологических понятий в России.

П. Д. Лодий: основные периоды жизнедеятельности

Профессор-просветитель, «деятель деистическо-материалистической философии русского Просвещения» [15: с. 12] Петр Дмитриевич Лодий (Лодинков) (1764–1829) был родом из Закарпатья, а именно из села Збой Землинского территориального комитета, относившегося в XVIII в. к Австро-Венгрии — империи Габсбургов [8: с. 28]. Он считал себя карпатским славянином (карпатороссом), происходил из уважаемой семьи, относящейся к младшему духовенству Мункачской епархии. Как многие выходцы из духовного сословия, он рано научился читать сам, проявлял к чтению глубокий интерес. В период с 1779 по 1787 г. будущий просветитель проходил обучение сначала в Гроссвардейнской гимназии, а позже — в Унгварском лицее. Особо интересовался философией (метафизикой) и языками. Еще в юности, самостоятельно изучил русскую литературу и философию [10: с. 242]. Лодий верил, что средством, которое способно улучшить наблюдаемую им жизнь, является образование и распространение знаний, что в конечном счете должно привести и к социально-экономическим изменениям в обществе. Неудивительно, что он и его единомышленники распространяли в Закарпатье в конце XVIII в. идеи,

содержащиеся в сочинениях М. В. Ломоносова, А. П. Сумарокова, Г. Р. Державина, М. Д. Чулкова, Н. М. Карамзина [9: с. 100]. Особо значимым мотивом было желание изменить свою судьбу, стать знаковой личностью, противостоящей обстоятельствам.

Важным событием в жизни Лодия стало его участие в публичном конкурсе 1787 г., прошедшем в старейшем восточноевропейском университете во Львове. В результате он получил право занять кафедру логики и метафизики в этом высшем учебном заведении, читать лекции. В свои 23 года он — профессор Львовского университета — активно занимается переводами. Так, им был переведен на русский язык труд немецкого философа, последователя Г. В. Лейбница и Хр. Вольфа — Ф. Баумейстера — «Нравоучительная философия», который назывался в переводе «Наставления любомудрия нравоучительного» (1790)², и некоторые другие. Можно заметить, что термин «любомудрие» встречается у таких российских мыслителей, как А. П. Сумароков, А. Н. Радищев, И. М. Кандорский, И. А. Крылов, чуть позже — у И. П. Пнина, Д. В. Веневитинова, В. Ф. Одоевского и др., ставших преемниками философско-психологической традиции любви к мудрости и нравственным рассуждениям. Сам перевод «любомудрия нравоучительного» и основные философско-психологические идеи, изложенные в книге Ф. Баумейстера, будут востребованы в дальнейшей повседневной работе Лодия. Необходимо отметить, что книги немецкого ученого были известны в России. Его философский трактат («Нравоучительная философия»), например, был издан в Санкт-Петербурге в 1783 г., но благодаря усилиям другого переводчика, учителя И. И. Исаева из «рыцарской академии» — Сухопутного шляхетского кадетского корпуса — как необходимое пособие для обучающихся кадетов в духе вольфианской философии и психологической мысли.

Известно, что в 1796 г. Лодий руководил философским факультетом Львовского университета в качестве его декана (и директора) [9: с. 97]. Он знаток русского языка

² Книга. Исследования и материалы. Сб. 8 / Всесоюз. кн. палата. М.: Книга, 1963. С. 296.

и переводчик. В 1801 г. его «возводят в гра-дус» — присваивают степень доктора изящ-ных искусств, прав и богословия. Тогда же доктор и профессор Лодий переходит в старинный западноевропейский универ-ситет в Кракове [9: с. 97], основанный еще в XIV столетии. Здесь ему доверяют читать помимо его любимой философии еще и исто-рию (теоретическую и естественную).

Однако свободолобивые мечты, хорошее знание работ М. В. Ломоносова, Я. П. Ко-зельского, Д. С. Аничкова, которых опре-деляют как его идейных предшественников [10: с.128], кроме того, близкий Лодию славян-ский дух, вера русского народа приводят его в Российскую империю, где «дней Александровых прекрасное начало»³ обещает подъем науки, цветение философской (и психологи-ческой) мысли, новый виток просвещения. Профессору-просветителю, пережившему в детстве и отрочестве засилье католицизма и деспотическую, жесткую политическую реакцию Габсбургской монархии на любые проблески свободы [3: с. 450], показалось, что Российская империя с ее молодым им-ператором Александром I, наследником ека-терининского просвещенного абсолютизма, больше подходит для реализации его твор-ческих замыслов — преподавать и развивать новые философские и психологические идеи. Сам Лодий был сторонником просвещенно-го абсолютизма [10: с. 241]. Российский про-свещенный абсолютизм казался ему более близким.

В 1803 г. правительство Александра I приглашает в открывшийся в Санкт-Петер-бурге Педагогический институт группу карпа-торосских ученых профессоров. Вместе с про-фессором, доктором права М. А. Балугьянским, впоследствии еще и первым ректором Импе-раторского Санкт-Петербургского универси-тета, профессором физики В. Г. Кукольников в группе приглашенных ученых оказывается переводчик на русский язык, доктор изящ-ных искусств, прав и богословия, профессор Лодий. Здесь завершается важный период жизни Лодия, длившийся с 1779 по 1803 г.,

включающий в себя ученичество и зарубежный этап профессорско-преподавательской деятель-ности. Мыслитель, получивший возможность для реализации себя, готовился к активной про-светительской деятельности в России, а также к профессиональным занятиям науками, по-иском своего места в отечественной научной среде. В этот новый период пришло первое признание его как ученого философа и языко-веда, он приобрел социально-педагогический опыт в качестве организатора и руководителя на ниве просвещения.

В Педагогическом институте Лодию по-ручают читать курс логики, а вместе с ним и философию, вобравшую в себя и пробле-мы психологического характера. Он готовит диссертацию по вопросам философии.

В самой России к моменту начала чтения лодиевских курсов для будущих учителей уже существовала складывавшаяся на протяжении XVIII в. традиция «обозначения» психологии, ее выделения из круга философского знания.

Так, начиная с сердцеведения, кардио-гностической психологии, пришедших вместе с творческим наследием философской мыс-ли и христианской антропологии Древней Руси и Московского царства, традиция тако-го обозначения охватывает идеи пнеуматики В. Н. Татищева в Петровскую эпоху (когда потребовались слова-понятия, а не синонимы и рассуждения на общие темы), пневматоло-гии (масонское учение о духах), психологии Я. П. Козельского, А. Н. Радищева, А. С. Луб-кина, естественной психологии, рациональ-ной психологии [2: с. 245], науки о душе И. М. Кандорского, душесловия П. М. Лю-бовского. Идеи Лодия со свойственным ему системным взглядом вошли в общий контекст ожидания продвижения психологической мыс-ли к значимым вершинам в изучении природы человека, описания секретов его души.

Профессору Лодию разрешают читать право в Высшем училище правоведения (1805–1809), где обучались будущие царед-ворцы и министры [8: с. 30]. Свои лекции он повторит в 1810 г. на открытых при Педа-гогическом институте первых публичных курсах. Публичные курсы — это еще отзвук философского века, возможность учиться, уз-навать новое для широкой аудитории. Однако

³ Пушкин А. С. Собрание соч.: в 10 т. Т. 2. М.: Худож. лит., 1974. С. 196.

самого времени для свободного выражения просветительских мыслей в Александровскую эпоху остается все меньше, а жизненного пространства для их развития практически нет. Александр I обнаруживает те характерные качества своей личности, которые отметит русский гений А. С. Пушкин: «В лице и в жизни арлекин»⁴. Царь уже устал от повседневных управленческих обязанностей монарха, и фигура ярого крепостника — хитрого, коварного и грубого генерала А. А. Аракчеева [5: с. 247], всевластного временщика — практически заслонила его от окружающего мира [4: с. 163].

Для Лодия первым указанием на возникающие противоречия, которые только усилятся позже, между его свободным полетом мысли, рождающим «образ философских понятий», и жесткими рамками догматического имперского мышления, станет 1808 г., когда «казенные профессора», не преодолевшие свое религиозное мировоззрение [10: с. 237], не поддержат его кандидатуру на выборах в Санкт-Петербургской духовной академии, где он намеревался занять место профессора [8: с. 31].

В Педагогическом институте на Лодия будут возложены обязанности смотрителя за поведением обучающихся, многие из которых оказались близкими ему по духу и семейным условиям воспитания, поскольку студенты также были выходцами из духовного сословия и отличались стремлением к светским знаниям. На этом посту он сменит другого русского просветителя — А. С. Лубкина, использовавшего в своих трудах понятие «психология», автора целостной концепции, изложенной в работе «Начертание логики» (1807), способной объяснить назначение человека⁵. Достаточно часто одновременно со взглядами Лубкина анализируются и сравниваются системные идеи Лодия [9: с. 101; 14: с. 229].

Войдя в круг студентов Педагогического института, Лодий будет курировать и опекать новое поколение русских просветителей,

внесших позже свой вклад в развитие отечественной психологической мысли в России в первой половине XIX в. — А. И. Галича, А. П. Куницына и др. Именно они — будущие профессора — станут коллегами Лодия в петербургских вузах — Педагогическом институте и университете.

Профессору и воспитателю («смотрителю за поведением») Лодию поручают составить инструкцию для направленных в зарубежные университеты студентов Педагогического института. В 1807 г. он составляет инструкцию для Галича — прилежного ученика по философским дисциплинам. О Галиче историк отечественной психологии И. М. Кондаков напишет, что «он получил высшее образование в Петербургском педагогическом институте у профессора П. Д. Лодия» [16: с. 59–60]. Профессор Лодий — «деятель деистическо-материалистической философии русского Просвещения» [15: с. 12] — направит студента Галича, которого готовили к профессорскому званию, имевшего профессиональный интерес к психологии, а в будущем целенаправленно строившего целостное психологическое учение [16: с. 59], к немецкому философу и психологу Готтлибу Эрнсту Шульце. Лодий ценил последнего за тонкую критику философов И. Канта и К. Л. Рейнгольда, «связывал в своем представлении Шульце с эклектиками более тесною связью, чем то было на самом деле» [25: с. 167], и, быть может, отождествлял его взгляды со своими [15: с. 12].

Профессор Гельмштедского и Гёттингенского университетов Шульце выступал против всеобъемлющей и цельной деятельности души. На своих лекциях и в своих работах он развивал собственное психологическое учение, опираясь «исключительно на внутренний опыт» человека [6: с. 144], высказываясь относительно того, что проявления в духовной жизни последнего выступают одновременно и в качестве познания, и в качестве чувства, и в качестве желания (внутренняя причина, которая может быть следствием и внешней, стремление к такому «состоянию, которое согласуется с особенностью его природы») [27: с. 325]. Шульце написал «Психическую антропологию», которая выдержала три издания в Германии и была переведена

⁴ Пушкин А. С. Собрание соч.: в 10 т. Т. 2. М.: Худож. лит., 1974. С. 204.

⁵ Иванов Д. В. Психологическая мысль в России начала XIX века. А. С. Лубкин // Системная психология и социология. 2019. № 3 (35). С. 76–93.

на русский язык в 1834–1835 гг. Он сам считал, что если психология занимается исследованием природы источника духовной жизни человека — души, являющейся противоположностью тела, то его психическая антропология, основываясь на наблюдениях и следствиях из них, определяет законы проявлений психической жизни человека [26: с. 13].

Слушавшие Шульце русские студенты, в том числе и Галич, получивший ценные указания от Лодия [16: с. 60], познакомились с западноевропейской философско-психологической мыслью, делавшей упор на опытность, а не на теоретико-познавательную точку зрения. Что касается Галича, то его в дальнейшем будет интересовать другой корифей западноевропейской философии — В. Ф. Й. Шеллинг. Галич станет одним из проводников шеллингианства в России. Тем не менее в философско-психологическом плане Галичу предшествовал его учитель Лодий [15: с. 92]. Для истории отечественной психологии интересен вопрос преемственности лодиевских идей и представлений о человеке в контексте психологических взглядов Галича, нашедших свое выражение в его монографической работе «Картина человека», изданной в Императорской академии наук в Санкт-Петербурге в 1834 г.

В 1811 г. Лодий был отправлен как смотритель училищ Архангельской и Олонецкой губерний в инспекторскую поездку по гимназиям и уездным училищам [8: с. 30]. В его задачу входила оценка педагогической деятельности выпускников Педагогического института. Работа профессоров института в начале александровского царствования с его запросом на реформы не прошла даром. Лодием было отмечено усердие учителей, совершенствовавших учебные пособия, занимавшихся естественно-научными опытами. Успешная инспекторская проверка позволила также расширить лодиевский социально-педагогический опыт. Начиная с 1813 и по 1819 г. он — инспектор над классами в Обществе благородных девиц (Смольный институт), а также в училище св. Екатерины в Санкт-Петербурге. Лодию пришлось изучить проблему женского образования в России, составить новый учебный план, оставшийся, как считает

исследователь В. М. Зверев, в истории как «План учения Лодия» [8: с. 31]. Так Лодий, а затем и его преемник — профессор статистики Педагогического института и декан историко-филологического факультета Петербургского университета К. Ф. Герман — оказались предшественниками К. Д. Ушинского, одного из создателей педагогической психологии в России [20: с. 15]. В сфере женского образования в России Лодий проявил себя как борец со схоластикой и церковной выучкой.

В 1815 г. в самом расцвете своей профессорско-преподавательской деятельности Лодий пишет практически в трактатном духе философского века книгу «Логические наставления, руководствующия к познанию и различению истинного от ложного» [18]. Этот объемный труд («неплохое для своего времени пособие» [22: с. 44]) станет основанием для систематического курса лекций, читавшихся студентам, а также для историко-психологической реконструкции системных идей Лодия-просветителя. Труд посвящен, если акцентировать внимание исследователя на проблемах сугубо психологического характера, вопросам психологии мышления, интеллектуальному развитию человека.

В 1819 г. профессор Лодий с его богатым социально-педагогическим опытом был избран деканом философско-юридического факультета, открывшегося в этом же году в Санкт-Петербургском университете. Он также получил место директора санкт-петербургского Демидовского коммерческого училища (1820–1827), и ему была предоставлена возможность готовить реформу преподавания [8: с. 31]. Периодом расцвета и научного подъема в жизни Лодия стали 1803–1819 гг.: востребован его социально-педагогический опыт преподавания и руководства, он создает собственное большое научное произведение — «Логические наставления» (1815) [18]. Можно согласиться с исследователем научного наследия мыслителя В. М. Зверевым, что это было самое плодотворное время его творчества [8: с. 30].

Однако после победы над Наполеоном Бонапартом, реставрации феодальных порядков повсеместно происходят тектонические изменения в общественной жизни. В Западной Европе идеалы эпохи Просвещения вступают

в конфликт с феодальной властью, что становится особенно заметно в Германии, Испании, Португалии, не отстает и Италия [4: с. 159]. Самодержавие в России, замечая трансформацию политического климата в Старом Свете и упреждая нечто подобное у себя, отринув идеологию просвещенного абсолютизма, стало ограничивать гражданские свободы, актуализировать силовой метод управления государством, что оказалось свойственно царскому временщику Аракчееву.

В сфере образования самодержавие «энергично приступает к затемнению молодых умов»⁶. Под подозрение попадают все доктора философии и те, кто занимается философскими вопросами политики, права, морали и естествознания. В 1818 г. во всех училищах вводится ежедневное чтение Нового Завета, преподается Закон Божий в гимназиях. Начиная с 1819 г. учреждаются университетские кафедры богословия. На политическом горизонте появляются одиозные фигуры обскурантов — Л. М. Магницкого, А. С. Стурдзы, Д. П. Рунича, — перерождивших все образование на богословскую схоластику, практически уничтожив философию и все, что с ней связывалось. Магницкий, «хитрый и расчетливый плут, насмеялся над всем на свете, дурачил всех, кого мог и пользовался слабостями и глупостью людей» [5: с. 294], будучи назначенным попечителем в Казанский учебный округ, уничтожил находившийся там, открытый в 1804 г. университет: «Ему отдан был на съедение Казанский Университет» [5: с. 293]. Стурдза, ярый противник идеологии Просвещения, автор «Наставления для руководства Ученого комитета, учрежденного при Главном правлении училищ» (1818), того самого печального документа, «который идеологически направлял всю работу Министерства духовных дел и народного просвещения» [21: с. 237], позволял расправляться со всеми, кто вспоминал об идеях философского века. Руничу достался Санкт-Петербургский

университет, где он учинил «разгром». В мемуаристике — этом важном публикационном эшелоне источников для истории вообще и истории психологической мысли в частности — Рунич получил множество характеристик. Так, писатель, редактор, член-корреспондент Петербургской академии наук Н. И. Греч, являвшийся современником разворачивавшихся в общественной жизни России в 20-е гг. XIX в. событий, писал о Руниче как о поклоннике и подражателе, карикатуре Магницкого. Он характеризует попечителя Петербургского университета и учебного округа как хвастуна и пустомелю. Считает, что «фанатизм его был не естественный, а прививной... Подражал во всем Магницкому, восхищаясь его Робеспьеровскими подвигами в Казани, Рунич хотел повторить то же с большим блеском и громом в Петербурге» [5: с. 294]. И что бы ни говорили магницкие, стурдзы, руничи о спасении умов России, конечная цель их деятельности заключалась в уничтожении любого намека на самостоятельность и творчество человека. Вместе с самостоятельностью и творчеством должна была исчезнуть и психологическая мысль, подавленная средневековой схоластикой.

В 1821 г. царское правительство, следуя курсом «затемнения молодых умов»⁷, организовало «суд» над вольнодумствующими профессорами Санкт-Петербургского университета. За год до этого, в 1820 г., Лодия, лишив возможности преподавать философию и логику, перевел на кафедру естественного права, где он должен был заменить ставшего опальным после публикации двух частей «Права естественного» (1818–1820), противоречащего «истинам христианства» [7: с. 340], доктора права, профессора А. П. Куницына. Имя Лодия упоминалось в секретном делопроизводстве этого «суда». У студентов отбирались тетради с записями лекций профессоров, в том числе и у слушателей курса Лодия (дело «О вредном учении, обнаруженном в преподавании некоторых профессоров С.-Петербургского университета» [8: с. 33]). Свидетель тех событий Греч («Это мне известно в точности» [5: с. 295]) прямо указывает на профессора русской словесности Я. В. Толмачева,

⁶ Зверев В. М. Философия в России до и после «суда» над профессорами Петербургского университета (к проблеме общей закономерности духовной жизни русского общества первой трети XIX века) // Вестник Ленингр. ун-та. Серия: Экономика, философия, право. 1969. № 5. Вып. 1. С. 97–106.

⁷ Там же. С. 99.

помощника Рунича в этом «деле» [5: с. 294]. От Лодия потребовали свидетельство в письменном виде о тех источниках, которые он будет использовать в работе со студентами. Александровское правительство активно изымало из «дум людских» идеи свободного характера и отслеживало источники их возможного появления. После перевода на кафедру естественного права уже можно было не опасаться философствования Лодия. На самом «суде» Лодий, европейски образованный ученый, доказывал обоснованность своего «образа философских понятий». Из университета его не изгнали, но пострадали многие его коллеги, среди которых и его воспитанники из Педагогического института, стажировавшиеся за границей, — «вольнодумствующие» профессора А. П. Куницын, А. И. Галич и др. Однако добрались до сочинения Лодия «Логические наставления, руководствующие к познанию и различению истинного от ложного» [18], когда в 1823 г. Магницкий потребовал изъять из всех доступных мест эту работу и больше ее не переиздавать. Обскурант Магницкий изображал Лодия «превзошедшим открытостью нечестия и Галича и Куницына» [8: с. 31]. В 1831 г., когда Лодия уже не было в живых, Магницкий в своем доносе Николаевскому правительству объяснял «философскую историю» восстания декабристов 14 декабря 1825 г., называя Лодия среди других имен свободных мыслителей, чьи взгляды могли оказать серьезное влияние на политическую ситуацию в Российской империи.

В 1825 г. Лодия смещают с должности декана философско-юридического факультета, отказывают в присвоении звания заслуженного профессора [8: с. 32]. В следующем, 1826 г. Лодий еще творчески работает, готовит собственное сочинение по проблеме естественного права, знакомого ему с юности, получившего широкое хождение в людских умах в эпоху Просвещения, распространявшееся в Петровскую эпоху, способствовавшее появлению новых людей и идей, новой российской реальности [11: с. 28]. Работу «Естественное всеобщее государственное право» к выходу в свет запретили. В памяти обскурантов просвещения еще остается история с куницынским «Правом естественным», рассадником

вольнодумства, противоречащим «истинам христианства» [7: с. 340]. Лодий перерабатывает этот труд и уже в 1828 г. издает «Теорию общих прав» [19].

На страницах своей работы Лодий отмечает, что общее благоденствие для государства есть сама возможность достигать поставленных целей, изменять свое состояние на более «совершеннейшее», а частное благоденствие позволяет человеку (гражданину, гражданам) «приводить силы как душевные, так и телесные в большее совершенство» (делать собственное состояние «совершеннейшим») [19: с. 2]. Лодий проявляет приверженность просветительскому психологическому принципу совершенствования человека и общества в своих размышлениях даже в том случае, когда речь идет о естественном праве, что характерно для просветительской философии, которая ему близка и понятна.

Исследование «Теория общих прав» (1828) стало завершением творческого пути Лодия. В 1829 г. профессора-просветителя не стало. Третий этап его жизни, охвативший десятилетие с 1819 по 1829 г., — это время активных попыток продвижения своих внутренне согласованных идей, представляющих собой сложившуюся систему взглядов на человека и отношений с миром его окружающим. Однако это стало и закатом самих лодиевских идей, ушедших вместе с их носителем. В 40-х гг. XIX столетия в России окончательно будет запрещено преподавание естественного права [8: с. 31], церковь будет развивать «обособленную философию» в своих образовательных учреждениях [10: с. 234]. Жизненного пространства для лодиевских идей не станет.

В истории отечественной культуры сохранился прижизненный портрет П. Д. Лодия, воспроизводимый в различных изданиях [7: цвет. вклад.; 8: с. 28], но не сохранилось упоминания о художнике, его написавшем, и времени создания (см. рис. 1). Запечатленные в красках черты мыслителя русского Просвещения позволяют представить себе умного, рефлексирующего, духовно свободного человека, умеющего понимать и принимать жизненные обстоятельства.

Творческое наследие философа, внесшего свой вклад в общий исторический ход

Рис. 1. Портрет Петра Дмитриевича Лодия.
Неизвестный художник. Источник: URL: <https://www.koob.ru/lodiy/> (дата обращения: 22.06.2021)

и развитие русского Просвещения, вызывает определенный интерес исследователей, но тем не менее недостаточно изучено.

Советским ученым В. М. Зверевым под руководством историка философии А. М. Плотникова подготовлена кандидатская диссертация «Петр Лодий в истории русской логико-философской мысли» [10], которая была защищена в 1964 г. в Ленинграде. Сам Зверев, проводя это исследование, стал автором ряда публикаций, посвященных идейному наследию Лодия. Он подробно рассматривает в своих работах его философские установки, подчеркивает присутствие материалистических и деистических взглядов русского мыслителя, отмечает лодиевскую реалистичность в понимании мира. Для него Лодий стоит в одном ряду с «подлинными представителями реализма» своего времени [9: с. 101].

Кроме того, о русском профессоре-просветителе пишет крупный отечественный историк философии З. А. Каменский. В 1966 г. он успешно защитил докторскую диссертацию «Философские идеи русского Просвещения (первая четверть XIX века)» [13: с. 16], а позже издал монографию, основанную на результатах этого исследования [14: с. 153–156]. Каменский описывает характер и общий вектор развития мировоззренческих взглядов

просветителя, определив их в русле русской деистическо-материалистической школы, что позволяет составить основу для понимания и системы психологических идей, распространяемых Лодием в своих лекционных курсах и трудах.

Однако гораздо чаще в истории общественных наук имя Лодия лишь упоминается в связи с именами Галича, Куницына и др., когда возникает необходимость в рассмотрении истоков и начала их творческого пути. Историки культуры и декабристского движения отмечают вклад университетских профессоров, среди которых и имя Лодия, в формирование идейных основ исторических событий, потрясших Россию в первой половине XIX в.

К сугубо психологическим идеям, их наличию в наследии П. Д. Лодия обратятся, как показывает краткий библиографический анализ историко-психологической литературы, Н. А. Рыбников [22: с. 44], Г. С. Костюк [17: с. 236–238], изучавшие становление передовой отечественной психологической мысли и искавшие первопричины ее «созревания» как науки в эпохе Просвещения. Так, например, Рыбников лишь отметил значимость «Логических наставлений» как «неплохого для своего времени пособия», по которому психология преподавалась в высшей школе [22: с. 44], а Костюк, и это важно, подчеркнул, что Лодий был глубоко убежден в наличии объективных законов, которым подчиняется психическая жизнь человека [17: с. 236].

Когда-то историк отечественной психологии и один из ее теоретиков — Б. Г. Ананьев — заметил, что формирование и развитие русской научной психологии — это одна из ярких страниц в общей истории отечественной науки [1: с. 7]. Имя профессора-просветителя П. Д. Лодия, связавшего свою судьбу с Россией, должно быть прочно вписано в эту страницу.

П. Д. Лодий: системные идеи о человеке и его психологии

В истории психологии подчеркивается важная особенность науки XVIII – начала XIX в., которая заключалась в стремлении

понять явления природы исходя из нее самой. Французские материалисты взглянули на человека как на составную часть природы, и тогда это стремление коснулось и области «животных функций» человека [12: с. 150].

Профессор-просветитель П. Д. Лодий рассматривал природу человека с сенсуалистических позиций, верил в ее реальность. Он не мифологизировал психологию человека. Поддерживал идею о потенциальных возможностях человеческого мозга («общего чувствительности»), зная об успехах современного ему естествознания.

Взгляды Лодия на психическую реальность человеческого существования систематизированы, отдельные идеи соподчинены друг другу. Он представлял реальность внешнего мира, чувственно воспринимаемого человеком, независимо от духовных сил.

Человек. Человек для Лодия — «предмет всеобщий», поскольку он имеет соответствующие этому признаки: жизнь, чувства и разум, вместе взятые [18: с. 138]. В представлении ученого живой человек «снабжен» органическим телом, которое «украшено» необходимыми органами и душой с различными способностями [18: с. 95]. Тело и душа сопряжены между собой, что обеспечивает многофункциональность действий человека. Здесь начинается поиск факторов (внешних и внутренних) возникновения, источников, зависимостей психической формы внутри единства самой психической жизни индивида.

Человек — часть природы по своей сути, но наличие у него души обособляет его на фоне других живых существ. Исходя из лекционного курса П. Д. Лодия начала XIX столетия человек — «чувственно-разумное существо», а физические и психические силы составляют его естество [18: с. 95]. Естество (природа человека) представляет собой совокупность всех способностей и сил, которые проистекают из «животности» и «разумности» человека. Тело человека обладает органами чувств (зрения, слух, вкус, обоняния, осязания) [18: с. 96]. Здоровое тело («животность») производит все соответствующие природные действия. Значение тела в его отношении к познанию окружающего мира заключается в самой возможности реализовать функции органов

чувств, проявив свои естественные познавательные способности. Благодаря телу природа отражается в человеке и человек сам проявляет себя в природе.

Душа («в мозге только находится душа» (цит. по: [8: с. 34])) обладает способностями, которые находятся в соподчиненности, «продвигаясь» от низших к высшим. К низшим относятся познавательные способности, воля (желания и отвращения). Сюда же Лодий относит и способности чувствования (удовольствия, неудовольствия), воображения, памяти.

Способность чувствования позволяет ощущать движения самого тела. Кроме того, по мнению Лодия, ощущения выполняют ряд жизненных назначений. Они позволяют предопределять для человека значимость происходящего с ним, направлять его действия, составлять первичное впечатление о предмете, воздействующем в данный момент на его органы чувств («перемену в органах чувств»), обогатить «наличное чувственное знание» о нем, поскольку предмет чувствования — «есть вещь настоящая или присутствующая» [18: с. 101]. Благодаря имеющимся в распоряжении человека органам чувств он может объемно воспринимать мир. Исследователи здесь справедливо полагают, что Лодий считает «основанием всего познания человеческие чувства вообще» [10: с. 128].

Мыслитель останавливается на понятии «ум», с помощью которого человек «усматривает подобия вещей надлежащим образом», составляет себе понятия об отсутствующих в поле зрения вещах, активизирует свое воображение. Согласно взглядам просветителя, воображение — это есть такая сила души, которая помогает человеку представлять предметы достаточно образно, полно. Воображение оказывается связано с фантазией, которая «раздельно понятые вещи представляет совокупно» [18: с. 100]. Фантазия позволяет человеку подняться над обыденностью своей жизни, представить нечто новое, ведь предмет воображения «есть вещь отсутствующая» [18: с. 101].

С точки зрения Лодия, память [18: с. 105], иными словами, то, как каждый человек формирует собственный жизненный опыт,

позволяет сохранять и возобновлять, обуславливает преемственность внешнего и внутреннего в жизни человека. В психологических размышлениях Лодия выделяется естественная, т. е. произвольная, данная человеку природой и искусственная — произвольная — память, развиваемая при помощи упражнений в соответствии с поставленными им мнемическими задачами. Лодий пишет о воспоминании и забвении [18: с. 106] как о значимых процессах памяти человека. Воспоминание обращено к предметам памяти, прошлому, к тому, что было «темным», но становится «ясным». Забвение указывает на необратимость утраты самого содержания воспоминаний, невозможность «привести» бывшую в прошлом вещь «на мысль». Память дает возможность человеку помнить себя, опираться на собственный, воспроизводимый посредством искусственной памяти опыт существования.

Человек обладает волей, способен желать доброго и отвращаться от злого в жизни — таковы лучшие качества человеческого существа, по мнению Лодия, как представителя эпохи Просвещения. Действия человеческой воли заключаются в проявлении «хотения» и «нехотения». Человек обладает свободой выбора, свободной волей.

В представлениях Лодия человек выделяется на фоне живой природы. Мыслитель находит существенным отличительным признаком человека, отличающим его от мира природы, то, что он одарен «разумением», «рассуждением» и «умствованием» [18: с. 102]. Разумение — высшая способность человека, присущая ему как чувственно-разумному существу. Разумение представляет объект как целое и образует затем понятие, которым пользуется разум. Разумение позволяет установить связи и отношения между предметами, которые чувствам «не подлежат». К разумению человека Лодий относит внимание, размышление и отвлечение. И если благодаря вниманию человек обращен («рассматривает») к одному объекту, то размышление — это продолжение внимания, остановленного на конкретном его предмете, а отвлечение — это рассмотрение свойств и частей по отдельности, досконально.

Посредством рассуждения человек приходит к утверждению сходства или различия в рассматриваемых понятиях. Умствование же приводит человека к умозаключению о предмете в более широком его рассмотрении и сравнительных характеристиках [18: с. 243].

Результат умствования может быть донесен посредством слова. Сообщение мысли другому индивиду происходит с участием «внешних чувственных знаков», человек — говорит. Сами понятия выражаются словами, рассуждения развернутыми предложениями, а «умствования» сопровождаются доказательствами [18: с. 126]. У человека есть голос, состоящий из многих изменяемых звуков, взаимоотношений между знаком и его обозначением. Только человек понимает связь между называемым и самим предметом. Человеку присуще говорение, произнесение определенным образом составленных в предложения слов, членораздельно и внятно [18: с. 179]. Человек воспринимает речь как совокупность многих слов, «коими открываются чувствования и помышления душевные» [18: с. 180]. Человеческая речь имеет гражданское, философское, эстетическое назначение. В обыденной жизни человек использует гражданскую речь для того, чтобы быть понятным «в общественном с людьми соединении» [18: с. 180]. Философская речь используется в науках для изображения истины и сообщения ее другим. Эстетически выверенную речь используют в словесных науках. «Посредством речи, — пишет Лодий, — разум человеческий раскрывается и изощряется» [18: с. 182].

Останавливается мыслитель на индивидуальных особенностях людей, той проблеме, которая занимала просветителей философского века [18: с. 106]. Лодий верит в изначальный общий природный потенциал, характерный для всех людей. Тем не менее он отмечает различие умов. Под умом здесь понимаются более широкие возможности человека к размышлению и познанию мира и себя, его интеллектуальное развитие. Отличительных характеристик приводится много: острота чувств и внимания, живость воображения, объем памяти, мыслительные анализ, сравнение и др.

Источники различий умов могут быть физические и нравственные. К физическим

условиям в различии умов многих индивидов он относит сложение тела, темперамент, климат, образа, питания [18: с. 110].

Так, здоровое тело обеспечивает человеку более активное познание мира, тонкие чувства с помощью нервов препровождаются до «общего чувствилища» [18: с. 111].

В плане понимания темпераментов Лодий придерживается гуморальной теории, характерной для философского века. Он убеждал своих университетских слушателей и читателей в том, что правильное («надлежащее») соотношение крови и других жидкостей в организме человека, позволяют составить темперамент.

Так, лица с красной кровью «снабжены живостью в понимании вещей», изображении ясных понятий. Люди, обнаруживающие в крови много желтой желчи, «остры в размышлении о вещах и в точности понятий», остроумны и рассудительны. Лица с черной желчью в крови «способны и склонны к наблюдению» [18: с. 111]. Те же, кто имеет примесь флегмы в крови, тупоумны, слабы, нетерпеливы.

Индивидуальные особенности умственной деятельности человека зависят от климата и образа питания. Лодий отмечает, что северные народы более спокойны, а южные — более умственно подвижны, у них различные и способы размышления. Разные части света (холодная, сырая, сухая, тонкая, грубая атмосфера) способствуют формированию образа питания, который, в свою очередь, определяет «живой» или «медленный» способ размышления, разность умов [18: с. 113]. Как результат, северные народы имеют более плотные тела, а южные — сухощавые. Таким образом Лодий пытается объяснить само различие человеческих умов разнообразием воздействующих на их формирование факторов (климат и образ питания).

Заслуживающими внимания оказываются размышления системного характера Лодия относительно понимания значимости среды и воспитания (наставления) в ходе становления человека, формирования его ума. Под воспитанием просветитель понимает способ развития и укрепления сил данных от природы человеку. Наставление же способствует усовершенствованию и укреплению этих сил

в соответствии с поставленной в жизни целью [18: с. 114]. Дети как «чувственно-разумные существа» оказываются способными к «направлению» своей жизни. Опираясь на свой социально-педагогический опыт, Лодий настаивает, что когда «тело человеческое возрастает», то увеличиваются вместе с телом и силы душевные, а «способности действовать обнаруживаются» [18: с. 242].

Воспитание, развитие и наставление человека должно следовать определенным законам. Один из таких законов — направление сил человека на познание и нравственное усовершенствование. Необходимо, по мнению Лодия, выявлять первые поступательные движения человека к «разумению в науках» и первые «наклонности воли к нравственности» [18: с. 115]. Здесь можно, как считал мыслитель, подбирать комплекс заданий, способ обращения и упражнений для дальнейших шагов человека по пути преобразования себя. Различные способы обращения, иными словами, стиль воспитания, начиная с детского возраста, следуя идеям Лодия, предопределяют в будущем разницу умов.

В основании индивидуальных различий способов размышления и людских умов Лодий также видит нравственные причины. К таким причинам, влияющим на сам процесс формирования различий в умах людей, могут быть отнесены религия и способ правления в государстве, поскольку они связаны со свободой в «писании и мышлении» [18: с. 115].

Различия умов может объясняться знанием нескольких языков, многих знаковых систем. «Совершенные» языки, основываясь на обширном знании, способствуют раскрытию сил «разумения», оживляют фантазию, приводят в совершенство науки и искусство.

Особое внимание в своих рассуждениях Лодий обращает на условия формирования различий, связанных с исторической эпохой. Историческое время дает опору для раскрытия душевных способностей, живущих в этот период людей. Индивидуальное в человеке раскрывается посредством исторического, и историческое определяет запрос на индивидуальное.

Безусловно, веря в образование и просвещение как саму возможность изменения

природы человека, жизни людей, Лодий предлагает «семиотику ума» и «гимнастику ума» [18: с. 120].

Семиотика ума позволяет «упражняться» в науках, выявляя и осваивая законы знаковых систем, которые здесь главенствуют. Лодий готов признать существование особенностей в понимании человеком различных наук и проявлении своей индивидуальности в их восприятии. В соответствии с этим он выделяет исторический, математический и философский умы, которые по-разному оперируют знаком и знаковыми системами. Ум исторический оперирует знаниями, полученными в ходе наблюдений и сообщений от других [18: с. 121], разбирается в причинно-следственных связях, соотнося их с историческим временем, местом, людскими нравами. Ум философский отыскивает закономерности, открывает свойства вещей, их подобию и различия, упорядочивает представления об изучаемых явлениях [18: с. 122]. Ум математический «пленяется» числами и фигурами, их соотношениями, решением пропорций и уравнений [18: с. 123].

Лодий предлагает исследовать ум человека, выявляя его свойства — дарования [18: с. 123]. Способы в исследовании индивидуального ума человека, его интеллектуального развития, по Лодию, следующие: создание условий для активизации умственной деятельности; выявление склонности к определенной науке; усложнение испытаний и определение возникающего живого любопытства к трудностям; «рачительное наблюдение» и фиксирование интереса к определенной науке; приведение конкретных примеров и способов умствования [18: с. 124]. «Образование ума» — особая область приложения сил наставников и воспитателей, поскольку «силы ума не естественным порядком упражняются», они требуют гимнастики ума. Помочь в развитии способностей, дарований может именно гимнастика ума — специальные «опыты и упражнения, коими молодые умы возвышаются и совершенствуются» [18: с. 120]. Позволяет реализовать гимнастику ума — педагогика, предлагающая также способы наставления, «почерпнутые из опытности», правила для развития чувствований,

воображения, внимания, памяти, разума [18: с. 125].

В целом можно отметить, что мыслитель русского Просвещения предлагает психологические характеристики человеческой индивидуальности, однако видит и особенности индивида в его социальном «обозначении» себя.

Человек борющийся. Лодий рассматривает человека («чувственно-разумное существо») не только отдельно, но и в сообществе других людей. Человеку, проявляющему свои индивидуальные качества в обществе, необходимо бороться за «приведение» своих сил, как душевных, так и телесных, в совершенство [19: с. 2]. В своей работе 1828 г. «Теория общих прав, содержащая в себе философское учение о естественном всеобщем государственном праве» Лодий отмечает право человека на борьбу и защиту себя — «врожденное право» [19: с. 257]. Человек борющийся, с точки зрения Лодия, исторически и общественно обусловленная ипостась индивида, готового к активным социальным действиям, преодолению и устранению различного рода препятствий, стоящих на пути душевного и телесного совершенства.

Современная психологическая наука верно считает, что человек «изучается разными науками, но рано или поздно они приходят к необходимости учета данных психологии. Синтез разнодисциплинарных знаний о человеке является важным условием развития психологического знания» [23: с. 72]. Лодий, будучи активным деятелем русского Просвещения, осознавал, быть может, интуитивно, как многие прогрессивные мыслители той эпохи, необходимость подобного синтеза, успешно привлекая к доказательствам своих психологических изысканий и умозаключений философию, логику, естественное право и естествознание. Его идеи, высказывания, «курс психологии» [22: с. 44] носят системный характер, логично сочетая многие психологические концепты и понятия, расширяя тем самым профессиональный тезаурус, обозначая зоны роста для отечественной истории психологии⁸.

⁸ Романова Е. С., Рыжов Б. Н. История психологии с системных позиций // Системная психология и социология. 2014. № 1 (9). С. 5–15.

* * *

Пройдя длительный путь самостоятельных изысканий и рефлексии, мыслитель русского Просвещения П. Д. Лодий не мифологизировал психологию человека («чувственно-рационального существа»). Он поступательно рассматривал природу человека с сенсуалистических позиций. Взгляды просветителя на психическую реальность человеческого существования систематизированы. Его основной для психологии труд «Логические наставления, руководствующие к познанию и различению истинного от ложного» (1815) посвящен вопросам психологии мышления, интеллектуальному развитию человека. Особое внимание в представлениях мыслителя занимают вопросы индивидуальных особенностей и различий, выявляемых у людей. В качестве условий развития и совершенствования человека предлагаются к рассмотрению его природные возможности и способы воспитания и взаимодействия с ним. Образно показана взаимосвязь человека и той общественно-исторической среды, которая выступает проводником воспитания, формирования его нравственной позиции. Представленный в лодиевских работах человек находится в сообществе людей, и мыслитель допускает, что одной исторически и общественно обусловленной ипостасью индивида проявляет готовность к активным социальным действиям, преодолению и устранению различного рода препятствий, стоящих на пути совершенствования человека борющегося.

Заключение

В истории отечественной психологии с ее национальными особенностями становления явственно проступает личность одного из интересных и ярких мыслителей русского Просвещения — П. Д. Лодия, активно творившего в начале XIX в.

В жизни Лодия выделяются три значимых этапа, дающих возможность представить начало, вершину и закат просветительского пути этого необычного мыслителя, внесшего свой вклад в развитие психологической

мысли в России в начале XIX в. (первый — 1779–1803 гг. — ученичество и зарубежный этап профессорско-преподавательской деятельности; второй — 1803–1819 гг. — расцвет и научный подъем; третий — 1819–1829 гг. — завершение творческого пути, закат идей).

В своих психологических теориях Лодий ратовал за первооснову чувственного познания. Его системные психологические идеи, теоретические положения, как показала историко-психологическая реконструкция, распространяются в русле материалистически ориентированной тенденции в становлении отечественной психологии, идущей из традиций философского века с его глубоким интересом к человеку, потребностью в усовершенствовании естества, объяснением психических, индивидуальных особенностей естественными причинами, возрастными изменениями и отчасти общественно-историческими условиями.

В ноябре 2019 г. прошел межвузовский научно-методологический семинар, посвященный 255-летию со дня рождения Петра Дмитриевича Лодия «Вопросы психологии человека и жизненных ситуаций в России: от П. Д. Лодия до наших дней»⁹, организованный педагогическими университетами Новосибирска и Санкт-Петербурга. Проведение семинара позволило не только обратиться к личности отечественного деятеля русского Просвещения, его реконструированным идеям и взглядам, но и понять, какие из них являются значимыми в настоящем и ценными не только для истории психологического знания, но и для теории психологии.

⁹ Вопросы психологии человека и жизненных ситуаций в России: от П. Д. Лодия до наших дней. Программа межвузовского научно-методологического семинара, посвященного 255-летию со дня рождения Петра Дмитриевича Лодия (Новосибирск – Санкт-Петербург, 28 ноября 2019 г.). Новосибирск, 2019. 7 с.

Литература

1. **Ананьев Б. Г.** Очерки истории русской психологии XVIII и XIX веков: монография. М.: ОГИЗ, 1947. 168 с.
2. **Артемьева Т. В.** История метафизики в России XVIII века: монография. СПб.: Алетейя, 1996. 320 с.
3. Всемирная история: в 10 т. Т. 5. [Новая история. (Середина XVII в. – конец XVIII в.)] / отв. ред. Я. Я. Зутис. М.: Госполитиздат, 1958. 782 с.
4. Всемирная история: в 10 т. Т. 6. Новая история. [1789–1870 гг.] / отв. ред. Н. А. Смирнова. М.: Госполитиздат, 1959. 830 с.
5. **Греч Н. И.** Записки о моей жизни. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1886. 588 с.
6. **Дессуар М.** Очерк истории психологии: монография. М.: АСТ; Минск: Харвест, 2002. 256 с.
7. «Для блага общего»: Александр Петрович Куницын (1783–1840) — просветитель, правовед, государственный деятель: сб. / сост. С. А. Ершов, А. В. Большакова; науч. ред. Т. Н. Жуковская. СПб.: Дмитрий Булавин, 2018. 496 с.
8. **Зверев В. М.** Петр Дмитриевич Лодий (К истории его жизни и характеристике мировоззрения) // Бюллетень студенческого научного общества Ленингр. ун-та. Вып. 2. 1959. С. 28–41.
9. **Зверев В. М.** Гносеологические взгляды П. Д. Лодия // Вестник Ленингр. ун-та. Серия: Экономика, философия, право. 1964. № 17. Вып. 3. С. 97–107.
10. **Зверев В. М.** Петр Лодий в истории русской логико-философской мысли: дис. ... канд. филос. наук. Л., 1964. 314 с.
11. **Иванов Д. В.** Естественное право как основа профессионального образования и становления человека // Профессиональное образование в современном мире. 2014. № 1 (12). С. 27–32.
12. Из истории русской психологии: сб. / под ред. М. В. Соколова. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1961. 440 с.
13. **Каменский З. А.** Философские идеи русского Просвещения (первая четверть XIX века): автореф. дис. ... д-ра философ. наук. М.: МГПИ им. В. И. Ленина, 1965. 35 с.
14. **Каменский З. А.** Философские идеи русского Просвещения (деистическо-материалистическая школа): монография. М.: Мысль, 1971. 398 с.
15. **Каменский З. А.** А. И. Галич: монография. М.: ИФ РАН, 1995. 229 с.
16. **Кондаков И. М.** Психология в зеркале пушкинской судьбы: монография. М.: ЭКО, 2000. 224 с.
17. **Костюк Г. С.** Избранные психологические труды: сб. / под ред. Л. Н. Прокопиенко. М.: Педагогика, 1988. 304 с.
18. **Лодий П. Д.** Логические наставления руководствующие к познанию и различению истинного от ложного, в пользу студентов Санкт-Петербургского педагогического института сочиненныя. СПб.: Тип. Иос. Иоаннесова, 1815. 486 с.
19. **Лодий П. Д.** Теория общих прав, содержащая в себе философское учение о естественном всеобщем государственном праве. Санкт-Петербург: Тип. Деп. внеш. торг., 1828. 472 с.
20. **Никольская А. А.** Возрастная и педагогическая психология в дореволюционной России: монография. Дубна: Феникс, 1995. 336 с.
21. **Минаков А. Ю.** Русский консерватизм в первой четверти XIX века: монография. Воронеж: ВГУ, 2011. 560 с.
22. **Рыбников Н. А.** Психология как предмет преподавания (в высшей дореволюционной школе) // Советская педагогика. 1943. № 4. С. 42–49.
23. **Рыжов Б. Н.** Системная психология: монография. 2-е изд. М.: Т8 Издательские Технологии, 2017. 356 с.
24. **Рыжов Б. Н.** История психологической мысли. Пути и закономерности. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ФЛИНТА, 2021. 352 с.
25. **Шпет Г. Г.** Очерк развития русской философии. I. М.: РОССПЭН, 2008. 592 с.
26. **Шульце Г. Э.** Психическая антропология, или Опытное учение о жизни человека по его духовной стороне: в 2 т. Т. 1. СПб.: Тип. И. Глазунова, 1834. 330 с.
27. **Шульце Г. Э.** Психическая антропология, или Опытное учение о жизни человека по его духовной стороне: в 2 т. Т. 2. СПб.: Тип. И. Глазунова, 1835. 580 с.

References

1. **Anan'ev B. G.** Ocherki istorii russkoj psixologii XVIII i XIX vekov: monografiya [Essays on the history of Russian psychology of the 18th and 19th centuries: monograph]. M.: OGIZ, 1947. 168 p.
2. **Artem'eva T. V.** Istoriya metafiziki v Rossii XVIII veka: monografiya [The history of metaphysics in Russia of the XVIII century: monograph]. SPb.: Aletejya, 1996. 320 p.
3. Vsemirnaya istoriya: v 10 t. T. 5. [World History: in 10. Vol. 5] / otv. red. Ya. Ya. Zutis. M.: Izd-vo social'no-e'konomicheskoj litieratury', 1958. 782 p.
4. Vsemirnaya istoriya: v 10 t. T. 6. [World History: in 10. Vol. 6] / otv. red. N. A. Smirnova. M.: Izd-vo social'no-e'konomicheskoj litieratury', 1959. 830 p.
5. **Grech N. I.** Zapiski o moej zhizni [Notes on my life]. SPb.: Izd. A.S. Suvorina, 1886. 504, XLVII, 26 p.
6. **Dessuar M.** Ocherk istorii psixologii: monografiya [Essay on the History of Psychology: monograph]. M.: AST; Minsk: Xarvest, 2002. 256 p.
7. «Dlya blaga obshhego»: Aleksandr Petrovich Kunicyn (1783–1840) — prosvetitel', pravoved, gosudarstvenny'j deyatel': sb. [“For the good of the whole”: Alexander Petrovich Kunitsyn (1783–1840) — enlightener, jurist, statesman: collection] / sost. S. A. Ershov, A. V. Bol'shakova; nauch. red. T. N. Zhukovskaya. SPb.: DMITRIJ BULAVIN, 2018. 496 p.
8. **Zverev V. M.** Petr Dmitrievich Lodij (K istorii ego zhizni i xarakteristike mirovozzreniya) [Pyotr Dmitrievich Lodi (To the history of his life and the characterization of his worldview)] // Byulleten' studencheskogo nauchnogo obshhestva Leningr. un-ta [Bulletin of the Student Scientific Society Leningr. university]. № 2. 1959. P. 28-41.
9. **Zverev V. M.** Gnoseologicheskie vzglyady' P. D. Lodiya [Gnoseological views of P. D. Lodia] // Vestnik Leningr. un-ta. Ser. e'konomiki, filosofii i prava [Bulletin Leningr. un-ta. Ser. economics, philosophy and law]. 1964. № 17 (3). P. 97-107.
10. **Zverev V. M.** Petr Lodij v istorii russkoj logiko-filosofskoj my'sli: dis. ... kand. filosof. nauk [Peter Lodi in the history of Russian logical and philosophical thought: dis.... edging. philosopher. sciences]. L., 1964. 314 p.
11. **Ivanov D. V.** Estestvennoe pravo kak osnova professional'nogo obrazovaniya i stanovleniya cheloveka [Natural law as the basis of professional education and human formation] // Professional'noe obrazovanie v sovremennom mire [Professional education in the modern world]. 2014. № 1 (12). P.27-32.
12. Iz istorii russkoj psixologii: sb. [From the history of Russian psychology: collection] / pod red. M. V. Sokolova. M.: Izd-vo APN RSFSR, 1961. 440 p.
13. **Kamenskij Z. A.** Filosofskie idei russkogo Prosveshheniya (pervaya chetvert' XIX veka): avtoref. dis. ... d-ra filos. nauk [Philosophical ideas of the Russian Enlightenment (the first quarter of the XIX century): autoref. dis. ... Doctor of Philosophy sciences]. M.: MGPI im. V. I. Lenina, 1965. 35 p.
14. **Kamenskij Z. A.** Filosofskie idei russkogo Prosveshheniya (deistichesk-materialisticheskaya shkola): monografiya [Philosophical ideas of the Russian Enlightenment (deistic-materialistic school): monograph]. M.: My'sl', 1971. 398 p.
15. **Kamenskij Z. A.** A. I. Galich: monografiya [A. I. Galich: monograph]. M. IF RAN, 1995. 229 p.
16. **Kondakov I. M.** Psixologiya v zerkale pushkinskoj sud'by': monografiya [Psychology in the mirror of Pushkin's fate: monograph]. M.: E'KO, 2000. 224 p.
17. **Kostyuk G. S.** Izbranny'e psixologicheskie trudy': sb. [Selected psychological works: collection] / pod red. L. N. Prokolenko. M.: Pedagogika, 1988. 304 p.
18. **Lodij P. D.** Logicheskaya nastavlenniya rukovodstvuyushhiya k poznaniyu i razlicheniyu istinnago ot lozhnogo: V pol'zu studentov Sanktpeterburgskago pedagogicheskogo instituta [The logical instruction is guided by knowing and distinguishing the truth from the false: In favor of students of the St. Petersburg Pedagogical Institute]. Sankt-Peterburg: V tip. Ios. Ioanenesova, 1815. 486 p.
19. **Lodij P. D.** Teoriya obshhix prav, sodержashhaya v sebe filosofskoe uchenie o estestvennom vseobshhem gosudarstvennom prave [The theory of common rights, which contains the philosophical doctrine of the natural universal state law]. Sankt-Peterburg: Tip. Dep. vnesh. torg., 1828. 472 p.
20. **Nikol'skaya A. A.** Vozrastnaya i pedagogicheskaya psixologiya v dorevolucionnoj Rossii: monografiya [Age and pedagogical psychology in pre-revolutionary Russia: monograph]. Dubna: Feniks, 1995. 336 p.
21. **Minakov A. Yu.** Russkij konservatizm v pervoj chetverti XIX veka: monografiya [Russian conservatism in the first quarter of the XIX century: monograph]. Voronezh: VGU, 2011. 560 p.

22. **Ry`bnikov N. A.** Psixologiya kak predmet prepodavaniya (v vy`sshej dorevolucionnoj shkole) [Psychology as a subject of teaching (in the higher pre-revolutionary school)] // Sovetskaya pedagogika [Soviet pedagogy]. 1943. № 4. P. 42-49.

23. **Ry`zhov B. N.** Sistemnaya psixologiya: monografiya [Systems psychology: monograph]. 2-e izd. M.: T8 Izdatel'skie Teknologii, 2017. 356 p.

24. **Ry`zhov B. N.** Istoriya psixologicheskoy my`sli. Puti i zakonomernosti [History of psychological thought. Paths and patterns]. 2-e izd., pererab. i dop. M.: FLINTA, 2021. 352 p.

25. **Shpet G. G.** Ocherk razvitiya russskoj filosofii. I [Essay on the development of Russian philosophy]. M.: ROSSPE`N, 2008. 592 p.

26. **Shul`ce G. E`.** Psixicheskaya antropologiya, ili Opy`tnoe uchenie o zhizni cheloveka po ego duxovnoj storone: v 2 t. T. 1. [Psychological anthropology, or the experimental teaching about human life on its spiritual side: in 2 vols. Vol. 1]. SPb.: Tip. I. Glazunova, 1834. 330 p.

27. **Shul`ce G. E`.** Psixicheskaya antropologiya, ili Opy`tnoe uchenie o zhizni cheloveka po ego duxovnoj storone: v 2 t. T. 2. [Psychological anthropology, or the experimental teaching about human life on its spiritual side: in 2 vols. Vol. 2]. SPb.: Tip. I. Glazunova, 1835. 580 p.